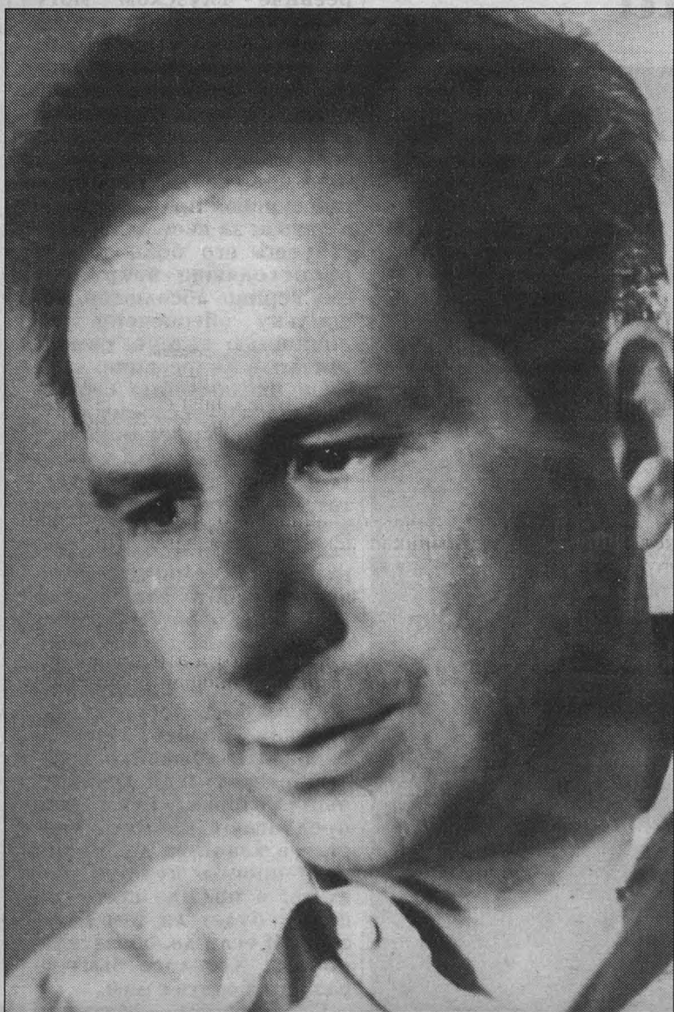

как был”

лыжницы здесь отряхают земные печали...

Но говорят, будто это лишь два выходных и не боле. Два выходных перед новой неделей, не боле. Да и залив — это Финский залив и не боле. Просто уставился в местное небо, не боле.

Что же до лыжниц — туда по лыжне и обратно. Просто обратно по встречной лыжне и не боле.

Так говорят. И возможно, не боле. Вполне. Я и поверил бы на слово. Если бы не небо! Так запросто сматривает на снежное поле! Словно бы в зеркало так по-соседски глядится, будто и жизнь началась, чтоб навеки продлится...

Это печальное стихотворение или веселое? — Мне оно кажется веселым. — Мне тоже. И еще, мне все-таки кажется, что дети — вот главное в жизни. Дети — это источник оптимизма. Помогают жить.

А к концу мне был праздник дарован на другом полушарии земли. У детей (ненадолго) под кровом дома их мне подарена снова жизнь. Ради чуда такого меня грешного, полуживого, все кривые дороги вели. Здесь учусь у детей понемногу стать другим. Быть таким, как они. Между тем ждет обратно дорога. Возвращусь — это сны были, сны...

Вот эта радость от детей — главное счастье моей жизни. Конечно же, были и счастливые моменты в жизни от общения с близкими друзьями, которых, я уже говорил, было очень немного. Были знакомые люди, перед которыми я преклонялся, даже боялся к ним близко подойти, но друзья, с которыми оттаивала душа. Почему я сейчас в доме Миши Львовского?! Это был очень родной мне человек. Очень близкий. И Булат Окуджава, и Зяма Гердт. Они жили в Москве. А в Петербурге был у меня тоже близкий друг — Яша Рохлин. Он просто недооцененный в жизни человек. Он жил очень скромно, работал редактором на "Ленфильме". К нему все приходило за советом, он был мудрым человеком, с ним я мог делиться своими бедами. Поговорив с ним, всегда становилось легче. Он прожил жизнь безупречно чистой. Я спрашивал, были ли у него самого какие-нибудь грехи и ошибки, он отвечал: "а как ты думаешь, конечно!" И я решал, ну, уж если у такого человека грехи и ошибки, то мне и сам бог велел.

Увы. Его уже нет. А здесь в Москве — Володя Войнович, Гоша Полонский, Камил Икрамов — его тоже нет. Я с ними познакомился необычно, они были моложе меня. Они посмотрели в театре Ермоловой какую-то мою пьесу, плохую, очень неудачно поставленную. И звонят мне по телефону, говорит, кажется, Володя Войнович такие слова: "Если вам понадобится сбежать за сигаретами или спичками, позвоните, пожалуйста, по такому-то телефону". И с тех пор, а это было в конце пятидесятых годов, они оставались моими близкими друзьями. А "Современник"! Олег Ефремов! Однажды звонит мне и говорит: "Саня, я слышал, ты там что-то новое написал, приходи почитать". Я говорю, что неуверен, хорошо ли это, что никому пока не даю читать. А он: "Я прочту один,

никому не покажу. В случае чего — пришлю твою пьесу обратно". Я послал рукопись. И вдруг, звонок. Олег: "Я прочитал ее на нашем худсовете в театре". "Боже мой, — подумал я, — а вдруг это какая-нибудь муть собачья, — там же Галя Волчек, Миша Козаков, Олег Табаков, как они отнеслись!?" А Олег продолжает: "Всем понравилось. Мы начинаем ее ставить".

— Что это была за пьеса? — "Назначение". — Постановка оказалась событием. Да и вообще стала классикой нашего современного театра. Был такой успех!

— Да, в театре ее тоже любили. Труппа приходила смотреть, как играли Олег Ефремов и Женя Евстигнеев.

Два года ее запрещали, на третий только разрешили. И то только "Современнику". Больше нигде она не шла. Олег устроил прогон спектакля на зрителях. Без цензуры, то есть без "лита". И пришло начальство — Попов из Министерства культуры. Помню, он ходил среди актеров за кулисами с бутылкой нарзана и открывалкой в руках с таким беспомощным видом, не зная, как открывается бутылка, но зато, как руководить культурой, он знал. После окончания спектакля было обсуждение. Олег думал, что после такого замечательного успеха у зрителей все будет хорошо. Но нет! Попов сказал: "Это ваш неверный поступок, что позвали зрителей, когда пьеса еще не разрешена цензурой. Давайте обсудим. Перенесем все на следующий сезон, посмотрим, там будем решать". Когда началось это: "на следующий сезон, а там посмотрим", я понял, что все. И опять со мной случился тот самый пресловутый "взрыв". Я встал и, крикнув: "а ну вас всех к такой-то матери!", пошел к дверям. Все замерли. За мной бросилась какая-то дама, кажется, из райкома партии. "Александр Моисеевич, вернитесь, вернитесь, вас можно понять. Вы сорвались..." Но я хлопнул дверью. А когда приехал домой, то подумал, что поступил ужасно, что виноват, виноват перед Олегом, перед артистами, они работали, а после моих слов и вовсе все будет испорчено. Я позвонил Олегу и говорю, чтоб он простил меня. А он — "за что!? Что ты, Саня! Ты поступил прекрасно!"

Я спрашиваю, а что там потом было? А он: ну, сначала долго молчали. А потом выступил Родионов — чиновник из коллегии Министерства и сказал, чтоб мы пришли к нему с пьесой (без автора! Без автора!) и пройдемся, мол, по страничке, по страничке и решим, что и как. Я понял, что это почти что разрешение. Так и было, они пришли, почти никаких поправок не было и разрешено было играть спектакль.

— Почему же оставили без последствий все, что было на обсуждении?

— Да потому, что не хотели, чтоб по Москве муссировался слух, как Володин нецензурно при министре возмущился нападкам начальства на его пьесу. А теперь вот Родионов, не побоявшись начальства, взял на себя смелость разрешить спектакль. Вот такая история. Время-то было тогда жуткое. Олег мне тогда говорил: Саня, если тебя посадят, я буду носить тебе передачи, а если меня посадят, ты мне будешь носить передачи — такой черный юмор.

— Вы не могли бы вспомнить смешной эпизод о начале вашей писательской деятельности, вы рассказывали его много, много лет назад. О своем первом публичном выступлении и "разборкой", как сейчас говорят, у высокого партийного начальства.

— Молодых, начинающих писателей отправляли выступать с лекциями или рассказами о литературе и искусстве по всяким клубам или предприятиям. Была тогда такая мода — заниматься просветительской деятельностью среди молодежи. И вот я начал свое выступление с рассказа о Пастернаке, которого я всегда любил, он только что получил Нобелевскую премию за роман "Доктор Живаго" и его уже начали терзать за это, уже исключили из Союза писателей. Потом рассказывал о Солженицыне, которого тогда как раз топили, всячески поносили в прессе, словом, я рассказывал обо всем, что творилось на нашей литературной "ниве". На другой день (выступление мое было районного масштаба, на станции Мга под Ленинградом), вызывают меня уже в Ленинграде в райком партии и читают мне письмо учительницы, присутствовавшей на моем выступлении. Она там все за мной записывала и отнесла в райком. "Вы это говорили? — грозно спрашивают меня. — Говорил. — А это говорили? — Говорил. — И это говорили? Говорил". "Сажать за это надо!" Но в конце ее письма была фраза, которая меня спасла.

"И вообще, — писала учительница, — он был нетрезв". Тут эти райкомовцы оживились, сразу перешли на ты: "А что ты пил там?" — спрашивают. "Водочки выпил, потом пивом запил..." "Ты что?! Разве можно водку пивом запивать? Уж лучше вином или даже шампанским, но только не пивом. Кто же водку пивом запивает!" — посочувствовали они мне, сразу смягчившись. И порвали письмо, и кинули его в топившуюся печку. Что возьмешь с нетрезвого человека.

— Что ушло в прошлое, а что осталось и актуально до сей поры, несмотря на крупные перемены нашей жизни в России?

— Ничего не зачеркнуто. Нам все равно никуда не деться от прошлого. Я вообще ничего и сейчас стараюсь не переоценивать, особенно в угоду сегодняшней политической конъюнктуры. Как можно зачеркнуть события в Венгрии, Чехословакии? В те времена я очень полюбил чехословацкий кинематограф, мне казалось это новое продолжение итальянского неореализма. И вдруг однажды — звонок из Союза кинематографистов: вас приглашают в Чехословакию. Не помню, на какой-то кинематографический симпозиум. Но! Мне говорят, что Екатерина Алексеевна Фурцева не рекомендует вам туда ехать, вам будут задавать там всякие вопросы, вам будет трудно на них отвечать, а если вы ответите — вам будет трудно возвращаться.

И вдруг это происходит! Наши танки вошли в Чехословакию.

Можно это вычеркнуть из жизни, или переосмыслить? Увы.

Я вот еще о чем хотел сказать. Это было еще в школьные годы. Мой старший брат дал мне почитать стихи Пастернака. Я читал и ничего не понимал сначала. Я тогда думал, что Пастернака знаем только я и мой брат. И вообще мне казалось, что он итальянец. Пастернак. Такая смешная фамилия, какой-то фрукт или овощ. А потом я читаю Эренбурга. "День второй". Там герой — Володя Сафонов любит математику и Пастернака. Значит, нас уже трое знают о Пастернаке. А потом я подумал: ведь это Эренбург написал (я был в пятом классе тогда). Значит, и Эренбург знает о Пастернаке. А потом уже, потом я узнал, что вся поэзия преклоняется перед этим поэтом.

Потом, конечно, постепенно я все понял. Я понял Чаплина. Нас повели (культпоход) Чаплина смотреть. Все хохочут. А я не могу без слез смотреть на то, как мальчишки уличные издеваются над ним, стреляют в него горохом из трубочек, хватают за штаны, а он в это время узнает в красивой цветочнице — слепую девушку, которой он тайно помог сделать операцию, она теперь видит, но не знает, кто этот смешной бродяга. Я захлебываюсь слезами, залезаю под кресло в первом ряду. А вокруг все весело хохочут.

— Прочтите стихи, какие бы вы сами хотели... "На закуску".

— Я уже говорил, что живу сейчас в Ленинграде (все не могу привыкнуть к названию Петербург) довольно одиноко, уединенно. Приезжая в Москву, с удовольствием общаюсь со своими старыми друзьями, Володей Войновичем, Гошей Полонским. Посвятил им стихи. Володе: "Я пошел в учреждение за нужной и важной бумагой". И Гоше — оно из моей книжечки стихов "Монологи".

Добился я того, что не звонят, Почти что не звонят по телефону. — Я очень занят! Занят я! Занят! — твержу долдону, звоняру, нижону. Добился я того, что не звонят. Но телефон чудовищно молчаливый! Ему природой велено звонить. К чему мне этот незвонящий ящик, с округлым миром порванная нить! Но чу... Звонок. Кого? Постой, постой. Таких здесь нет и не было. Едва ли. Вы не туда попали. А какой вы телефонный номер набирали? Увы, не тот. А вы проверьте в книге. По адресу. Ведь это так несложно. Ну, в справочном. Хотите, справлюсь мигом? А вы мне позвоните, если можно...

Беседовала Елена ЛЬВОВСКАЯ